

— Нет, верят многие. Россия — страна, где может ничего не быть, но талант, совесть, порядочность, честь не переводятся, несмотря ни на какие катаклизмы. Так дано от природы, отмечено Богом, но вот неисчерпаемость талантов — ощущают далеко не все. Потому что редко с этим сталкиваются, или как-то так, по касательной. Вот и необходимо создать определенную защиту талантов. Схема примерно следующая: во-первых, отобрать наиболее проработанные проекты культурного строительства — в самом общем плане; во-вторых, создать материальную базу, для чего предложить нечто, чем заинтересовались бы владельцы капиталов, которые требуют гарантий. И я вел переговоры и с российским правительством, и с правительством Москвы, но за это время у нас было столько неожиданностей и перемен. Работа стопорилась, стопорилась, но сейчас, похоже, выходит-таки на финишную прямую — некоторые проекты будут рассматриваться как государственные.

— Даже так!

— Даже. Но ведь ситуация у нас с культурой — странная: и трагическая, и перспективная. На культуру денег нет, правильно?

на Павловича. Вот могила, памятник, который, кажется, до сих пор так и не восстановлен, а восстанавливать надо, так? Музей на Кудринской, которому надо помочь, далее — Мелехово. Там тоже надо помочь в создании научного центра — очень много людей туда приезжает, нужны условия для научной работы. Далее. В Липецке, как известно, есть театр, который давно и упорно занимается именем Чеховым. Хорошие театры в Орле и Воронеже, а в Таганроге не первый год идет разговор о строительстве чеховского мемориала. Вот почему этот проект называется «Вертикаль».

Казалось бы, как это можно сделать? — нужны миллиардные вложения. Но в России чем абстрактнее, даже абсурднее идея, тем она ближе к реализации. Денег на восстановление у нас нет, а само культурное пространство есть. Нет денег на то, чтобы благоустроить дорогу от места рождения Чехова до его могилы. Но ведь лишь в России эта дорога проходит не только по земле, но и через людские души. А есть не только Чехов, но и Толстой, и Аксаков, и Бунин, и... И сидят и думают, как заработать деньги на культуре? Да дайте возможность восстановить писатель-

Дело доктора Чехова, или Цветенье вишневого сада

— И не предвидится.

— Стало быть, работникам культуры, выброшенным за борт, в первую очередь надо придумать, как их, деньги, доставать. Основная идея, лицензированная ЕКК, — создание цепочки социокультурных анклавов, которые открывают возможность карусельного обслуживания культурных программ и реализации бизнес-программ. Идея построения таких анклавов — вещь достаточно известная, проработанная и хорошо просчитанная. Люди, которые занимаются этим всерьез, прекрасно понимают, что, с одной стороны, это приносит доход, а с другой — культура по определению своему находится под таким общественным вниманием, что в ней очень трудно, практически невозможно отмывание темных денег, рэкета и прочее, с чем приходится постоянно сталкиваться в других областях деловым людям.

— Боюсь, вы не совсем правы. Не уверен, как в иных странах, помнится, там тоже бывали случаи, но уж у нас-то умельцы всегда найдут способ внедриться куда угодно.

— Вот конкретный пример. Но прошу учесть, что проект, о котором я сейчас рассказываю, лицензирован. Это одна из составляющих «Вишневого сада», куда входят и другие, по разным областям — медицинские, театральные, научные. Этот проект условно называется «Вертикаль, или Дело доктора Чехова» — он связан теснее с названием «Вишневый сад».

Проект заключается в определенных акциях, сцепленных между собой. Вот как это делается. Берется несколько точек на карте, связанных с именем Анто-

ские усадьбы, выстроить необходимую инфраструктуру этой дороги (мотели, станции техобслуживания, заправочные станции и прочее), и получится такого уровня «культурный туризм», какого нет в мире.

— И под такие проекты возможны вложения!

— Под них, под такие долгосрочные программы можно только и говорить с серьезными партнерами за границей. Можно говорить и о заинтересованности внутренних регионов страны, о создании рабочих мест. Не говоря уже об интересах самой культуры. Что называется: не было бы счастья, да несчастье помогло. Денег нет, но есть фантастические возможности. И люди, которые понимают, что такое культурный туризм, знают, как возвращаются затраты. А это только один из проектов. Есть связанные с другой запущенной сегодня сферой — образованием, есть замечательный проект Григория Полонского.

— А что-нибудь поближе к театру!

— Один из: в мире никто не преподает заочно режиссуру. А в театральном училище имени Щукина такое отделение есть, существуют уникальные разработки, и на какой базе! Станиславский плюс Вахтангов да еще и Мейерхольд, а там еще работает и исследователь Михаила Чехова. Когда я рассказываю об этом на Западе, они не спрашивают, сколько это будет стоить, они интересуются, когда можно присылать заявки на лицензированный диплом русской режиссуры. Сейчас, а не в далеком будущем, в России, а не в Париже это можно сделать. И мы не транжирим культуру, мы ее интегрируем, это раз-

ные вещи. А ведь проект, связанный с Вахтанговским училищем, один из небольших, не так значителен — есть много крупнее.

— Иными словами, культура может не ходить с протянутой рукой, а стать ценным и абсолютно надежным партнером! Из разряда пасынков превратиться разом в богатого дядюшку, который не только сам благоденствует, но и обеспечивает кого-то еще!

— Я с этого начал. И это вовсе не фантазия Вилькина (помните «Фантазии Фарятьева»?) — но реальность, данность. Что понимают в правительствах и Москвы, и России, и чиновники на местах.

— Они вас поддерживают!

— Они ждут.

— Чего!

— Решения. Которое готовится — во всяком случае мне об этом официально сообщено.

— На высоком уровне!

— Самом высоким. Тогда откроется как бы параллельная структура культурного строительства, культурной деятельности.

— А вы не боитесь, что как раз параллелизм, потеря части хотя бы рычагов управления и будет вызывать противодействие со стороны начальствующих лиц?

— Как ни странно, не боюсь. Аппарат есть аппарат, его не надо ломать, чтобы создать нечто новое (что на деле всегда оказывается худшим), его надо настроить на то, что ему выгодно. Учесть его заинтересованность — не в вульгарном финансовом выражении. Если чиновники понимают, что реализация наших программ снимает с них головную боль от неразрешимых бесчисленных проблем, то им невыгодно мешать, им лучше помогать. А кроме того, мы же работаем в тесном контакте со многими организациями — и с министерством культуры, и с Российской Академией наук, с Институтом истории искусств — так создается и общественный вес. Но должен подчеркнуть, что для того, чтобы реализовать проекты, требуется огромный труд. Но надеюсь, нам удастся выполнить задуманное, и вишневый сад не будет ни вырублен, ни поделен на дачные участки. Его цветение доставит радость и нынешнему, и будущему поколению.

— Кто конкретно из чиновников российского правительства отвечает за прохождение этих документов?

— Конкретно — Александр Георгиевич Черемин, человек знающий и понимающий, как мне кажется, перспективность проекта, но... (возникшую паузу Александр Вилькин до времени комментировать отказался).

— Ну, хорошо, а в чем в этом проекте, точнее идее, ваша личная заинтересованность. Именно личная как актера, режиссера, педагога!

— «Да возрадуется сердце и обрящет страждущий душевный покой».

— А поконкретней!

— Я надеюсь полностью вернуться в Театр и раствориться в нем.

— Последний вопрос: на что вы надеетесь?

— «Каждому воздается по делам его».

Беседу вел
Алексей ПЛАВИНСКИЙ.

«Орел России» — отнюдь не единственный хищник, возведенный в ранг государственного ордена. Есть, например, в Польше «Поморский гриф» — с кавалером этой награды, равно как и международных премий по режиссуре, актером, режиссером и педагогом АЛЕКСАНДРОМ ВИЛЬКИНЫМ — беседа для «ЭС».

— Александр Михайлович, вас как-то последнее время не видно на московском театральном горизонте — ни в качестве актера, ни в роли постановщика. Понятно, что конфликт на Таганке не способствует творческой активности. Но в нем ли только дело?

— Мое отсутствие не абсолютно: я выполнил свои обязательства перед замечательным омским театром, поставил там спектакль по Островскому; сейчас я работаю с театром «Третье направление» над фолк-оперой Владимира Дашкевича «Большой берег крут» (в хорошей компании — с Юлием Кимом, художником Василием Валериусом, балетмейстером Алексеем Молостовым, интересной труппой); четыре года занимался с режиссерской группой курса Любимова. Но в целом, отдав четверть века Таганке, я и в самом деле подвел черту — поводом послужило и то, что я, довольно внезапно, стал членом-учредителем Европейского культурного клуба — неправительственной организации, под патронатом Вацлава Гавела. В нее вошли известные деятели культуры из 21 страны Европы. Для меня это было неожиданностью, но, раз так случилось, то пришлось предложить с российской стороны программу деятельности под названием «Вишневый сад». Программу выслушал — и утвердил — президиум ЕКК, Европейского культурного клуба, почему и пришлось отвечать за свой проект, за свои слова. Приехав в Москву, я стал совмещать мою непосредственную профессию с деятельностью по реализации этой программы, утвержденной к тому же и Европарламентом.

— Прежде чем обращаться к самому проекту, скажите, почему вы вообще взялись за это дело?

— На мой взгляд, положение культуры неважное, однако поведение ее деятелей, когда они либо чего-то просят, либо чего-то истерически требуют, не приводит к нужным результатам. В стране у нас идет — нравится ли это кому-либо или вызывает отвращение, — накопление первичного капитала. Вот и я занимался тем же, разница лишь — у меня капитал интеллектуальный. Была общая идея, формировалась конкретная программа действий и ее наполнение — отдельные проекты, которые мы могли бы предложить нашим партнерам. (Говорю «мы», поскольку я вообще влез в это дело только потому, что у меня появился Вергилий по деловым кругам — генеральный директор «Вишневого сада» Сергей Алексеевич Дыгерн). Это потребовало двух лет серьезной, напряженной работы, и сейчас я готов вступить в переговоры с нашими деловыми людьми. Однако — не на уровне какой-то одноразовой акции, но долгосрочных проектов.

— И ваши шаги в этом направлении? — Я занялся созданием Ассоциации «Вишневый сад» как российского отделения ЕКК — той группы людей, которая займется реализацией этой программы целиком.

В самом общем виде — это программа интеграции российской культуры в общеевропейский процесс. Причем с возможностью обратной связи, инвестиций в те проекты, которые представляют интерес в рамках общеевропейского культурного пространства, а подчас и мирового.

— И кто выступит инвесторами?

— Наши партнеры в Европе, равно как в Японии, в Соединенных Штатах. Ведь российская культура, с моей точки зрения, в отличие от наших громадных, но все же конечных природных ресурсов, неисчерпаема и обладает к тому же чудесным свойством регенерации. Помните, у Анны Ахматовой: «Осуждены, и это знаем сами, мы расточать, а не копить». И чем больше черпается из источника российской культуры, тем больше кристальной чистоты энергии прибывает. Мне обидно, что многие запасы, которые были у нас, ушли на Запад как вторсырье, были вскоре растражированы и пошли по демпинговым ценам.

— Вы один из немногих, кто верит, что богатство российской республики — ее таланты.